

В полной мере это относится и к разграничению принадлежности к этносу и нации. Необходимость в дифференциации по этим основаниям возникает чаще всего в случае маркировки индивидов по отношению к полиэтническим нациям или этническим меньшинствам в моноэтнических государствах. Таким образом, прозвучавшее в лекции «Что такое нация?» известное высказывание Эрнеста Ренана «существование нации – это <...> ежедневный плебисцит»⁴⁶, остается актуальным по сей день.

Исследование области (поля) этнического и национального семиозиса – это анализ сценариев развития конкурирующих дискурсов. Использование семиотико-конструктивистского подхода предполагает *относительность, ситуативность и конвенциональность* практик выделения сообществ и соответствующих им полей и «идентичностей». Синтез конструктивизма и семиотики показывает, что знаково-символический комплекс способов маркировки сообществ является, если воспользоваться известным афоризмом Маршалла Маклюэна, одновременно средством и содержанием («Medium is message»).

+ Профессиональное кредо

ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ СОЦИОЛОГОМ (интервью с профессором В.А. Ядовым)

Уважаемые коллеги!

Мы предлагаем вашему вниманию еще одно интервью с известным отечественным социологом, профессором Владимиром Александровичем Ядовым. Владимир Александрович любезно согласился ответить на вопросы редакции журнала.

Ю.М. Резник: Владимир Александрович! Назовите, пожалуйста, основные вехи Вашей научной биографии. Что повлияло на Ваш профессиональный и научный выбор? Кого Вы признаете своим настоящим учителем?

В.А. Ядов: Моя научная биография начинается с аспирантуры на философском факультете ЛГУ и мой научный руководитель проф. В.П. Тугаринов был как раз одним из тех, кого я считаю своим учителем. Василий Петрович (декан факультета в то время) согласился с темой диссертации, которую я предложил – «Категория меры у Гегеля». Целый год я потратил на поиск чего-то стоящего в своей теме и пришел к выводу – это пустое дело. Тугаринов говорит: «Я так и думал, но мой принцип не навязывать аспиранту свои идеи. Ищите другую проблему». Я предложил тему «Идеология как форма духовной деятельности», на что он, естественно, согласился.

Потом был перерыв в моем аспирантском статусе – полтора года работал первым секретарем райкома Комсомола (партийное поручение) и благодаря прободению язвы желудка не только освободился от своих обязанностей, но месяц пробыл в больнице, где и закончил диссертацию практически в срок. Главврач предоставил свой кабинет, где после его ухода с дежурства я сидел за пишущей машинкой. Принес работу своему руководителю. Он говорит, что такое никогда не согласиться выпустить на защиту. Недели полторы я находился в трансе. В коридоре факультета Тугаринов спрашивает: «Я жду реферат. Что Вы тянете?». Между тем проходит какой-то научный семинар, где мой руководитель говорит, ссылаясь на меня, что проблема идеоло-

⁴⁶ Renan E. Qu'est-ce qu'une nation? 1882 // www.bmlisieux.com/archives/nation04.htm

гии как мы её усвоили из работ Ленина, не столь проста и излагает идеи моего реферата. А в диссертации я целую главу отвел на обзор дискуссии по этому предмету: Мангейм, Шелер и другие о стереотипах массового сознания и, конечно, марксисты. Ленин утверждал, что научная идеология одна и ее надо вносить в сознание рабочего класса, а Плеханов возражал ему и писал, что идеология есть «кристаллизованный психология масс».

Между прочим, эта плехановская идея и сегодня актуальна. Поиски русской национальной идеи бесконечны. А «кристаллизация» массового сознания приводит к выводу, что постсоветская идеология может быть либо имперской, либо идеологией «справедливого общества», в котором граждане защищены законом, а слаборесурсные поддерживаются государством и к тому же сверхбогатые и просто богатые отчисляют в бюджет больше, чем другие (мы единственная в мире страна с единой ставкой подоходного налога – абсурд!). Заканчивая эту историю, скажу, что диссертация стала основой моей первой публикации в виде книги и её перевели на разные языки стран социалистического лагеря, включая испанский.

Другими своими учителями я считаю социального психолога проф. Хильду Химмельвайт (я был «обменным студентом» в Лондонской школе экономики и политики, будучи к тому времени уже кандидатом наук), которая сильно подвинула мои интересы в область социальной психологии и психологии личности. И третьим я бы назвал Зигмунта Баумана.

В начале 70-х в Варшаве Бауман пригласил меня домой и подверг уничтожающей критике упомянутую книгу (кстати, на польский язык её тоже перевели, хотя Бауман владеет русским намного лучше, чем сегодняшние студенты). Он продемонстрировал мне то, насколько я был неучем в современной мировой социологии и дал список литературы, которую следует знать. Мы стали близкими друзьями, чем я особенно горжусь.

Ю.М.: Что Вы считаете своими главными научными достижениями? Назовите научные труды, которые определяют «лицо» Вашего подхода к исследованию социальной реальности.

В.А.: Главные научные достижения это определено:

– диспозиционная теория регуляции социального поведения личности (входит в наши «ридеры» по социальной психологии и в международную энциклопедию социальных наук);

– исследование «Человек и его работа», которая стала своего рода эталоном в отечественной социологии труда, переведена и издана в США, Польше, Венгрии и Болгарии;

– учебник по методологии социологического исследования, выдержавший пять изданий, естественно, с коррекциями и дополнениями.

Мой подход к исследованию социальной реальности менялся со временем. Главным образом вследствие знакомства с мировой литературой и обретением статуса директора Института социологии РАН. В этой должности я

считал непременно освоение социологических макротеорий, чем ранее не был озабочен. Сейчас я думаю, что кое-что освоил и даже осмеливаюсь писать на эту тему.

Ю.М.: Раскройте, пожалуйста, теоретическое содержание своей научной концепции или ряда концепций, составляющих в своей совокупности Ваш личный вклад в развитие социологической теории.

В.А.: Моя научная позиция сегодня – приверженность к деятельностно-активистским теориям. Их лидеры (Э. Гидденс, П. Бурдьё, Дж. Александер, П. Штомпка и др.) вышли из Маркса, точнее из его формулы: люди рождаются в одних обстоятельствах, но своей практической деятельностью их изменяют. Это, думаю, наиболее адекватно современности.

Ю.М.: Как Вы относитесь к феномену «советской социологии»? Когда же реально в нашей стране началось возрождение социологической мысли? Можно ли говорить о наличии научных школ или центров в советской социологии (например, Ленинградской, Московской, Новосибирской и пр.)?

В.А.: О советской социологии я думаю так, как это изложено в книге «Социология в России», которую я редактировал. Общая идея такова: её история драматична, но в период «Хрущевской оттепели» были достигнуты результаты мирового уровня. Не случайно в те годы в Америке начал издаваться журнал «Soviet Sociology». Да, были разные школы, которые активно сотрудничали между собой – Т. Заславской, Ю. Левады, Б. Грушина, В. Шубкина, Л. Когана, В. Лисовского, Н. Лапина. Московская школа Г.В. Осипова ориентировалась на институционализацию социологии и благодаря усилиям Геннадия Васильевича это, наконец, произошло. Вероятно, я не всех назвал. В 60-е гг. возникло немало научных направлений, так как социологи дружно противостояли философам и так называемым научным коммунистам, отстаивая свою социологическую идентичность, хотя и по-разному.

Ю.М.: Как Вы оцениваете теоретическую ситуацию, сложившуюся в последние годы в отечественной социальной науке? Кого и по каким основаниям Вы считаете лидерами научных направлений в области социологической теории в современной России? Имеются ли у нас идейно-теоретические и институциональные предпосылки для формирования научных школ в социологии?

Сегодняшняя ситуация в социологии и в мировой, и отечественной особенно крайне нестабильна и фрагментирована. В мировой социологии, как это следует из дискуссии, проходившей на последнем нашем семинаре в Институте социологии РАН по проблемам социальной теории (конец ноября этого года), имеют место: субъективизация, фрагментация (как утрата общепринимаемых смыслов базовых категорий), дерационализация (как акцентирование внимания на неосознаваемые в веберовской трактовке «рационального человека» структуры социальных действий), виртуализация (доминирование концепций конструирования социальной реальности не без влияния, конечно, Интернет-технологий), а вместе с тем – прагматизация ис-

следований, которые, увы, должны быть «полезны» в рыночном обществе. Традиционно академическая социология, озабоченная поиском ответов на фундаментальный вопрос – Что же есть современное общество (современная цивилизация)? – капсулируется в узком сообществе макротеоретиков.

Что же касается отечественной социологии, то можно сказать, что здесь наметились расхождения между «патриархами» и новым поколением активно публикующихся социологов, прошедших западную школу в разных университетах Европы и Америки. Будущее, как мы привыкли считать, принадлежит им. Если так, то лидерство будут оспаривать между собой постмодернисты, сторонники деятельностно-активистского направления в широком смысле и, в частности, бурдьевисты и укорененные на отечественной почве теоретики специфичности социокультурной стратегии вхождения России в мировое сообщество. Я вижу «просвет» в активизации мультипарадигмального подхода и в теории, и в интерпретации данных исследований.

Ю.М.: К какому течению мировой социальной мысли Вы себя относите?

В.А.: Я уже говорил, что отношу себя к представителям детельностно-активистской парадигмы в теоретической социологии. Есть гипотеза, что в картине социального мира (цивилизации) будущего «активистов» сменят теоретики «риск-теорий», так как, чем более возрастает роль субъективного, человеческого фактора, тем больше возникает рисков из-за принятия решений ресурсоемкого субъекта. Представим теперь, что создаваемая президентом В. Путиным вертикаль власти начнёт работать. Тогда малейшая ошибка лидера может обернуться немалым ущербом для страны. Вспомним хотя бы хрущевскую идею «кукурузизации» СССР, за что его и прозвали кукурузником.

Ю.М.: Каков главный итог Вашей деятельности на посту директора Института социологии РАН? Удалось ли Вам и в какой мере реализовать свою научно-исследовательскую программу и вовлечь коллектив Института в процесс ее реализации?

В.А.: Я не критически оцениваю свою деятельность как директор института. Думаю, что главное в моей деятельности – предоставление полной свободы сотрудникам. Был объявлен, как мы его называли «юрьев день», когда каждый мог перейти в любое подразделение, а руководитель ононого мог остаться один на один. Итог был неплох: в ситуации, когда академическая наука практически не субсидировалась государством, а сотрудники могли работать, получив научный грант, все это сработало.

Сегодня видны минусы, например, чрезмерное раздробление тематики, так что наш нынешний директор Л.М. Дробижина вынуждена выправлять научную программу института в более целеустремленное русло. Думаю, что период «перестройки» предъявлял свои требования, а период стабилизации – свои.

Ю.М.: Вы называете себя «шестидесятником». Какова мера ответственности социологов-шестидесятников за состояние социологической науки в нашей стране?

В.А.: «Шестидесятники» обязаны нести ответственность за следующее поколение социологов. Когорта шестидесятников, как её трактуют, это скорее идеологическая конструкция – сторонники социализма «с человеческим лицом». Вспомним публикацию под редакцией Т. Заславской «Иного не дано». Книгу распространили среди делегатов «перестроечного» съезда КПСС. Идеологически я и сейчас отношу себя к этому сообществу, скажем, социал-демократов, хотя ни в какие политические партии не вхожу.

Другое дело – наша ответственность перед социологическим сообществом. Определенный плюс – сугубое внимание к соблюдению стандартов качества эмпирического исследования (в позитивистском смысле) и минус – в пренебрежении к феноменологической стратегии. Что касается первого, то в свое время был заложен базис профессионализма социолога-эмпирика, который, увы, утрачивается сегодня.

Второй минус – мое поколение «первосоциологов» Хрущевской оттепели оставалось полуграмотным в области макротеорий, так как мы черпали знания о ней в основном из критических работ по так называемой «буржуазной социологии», по книгам Ю. Замошкина, И. Кона и Ю. Асева. Сегодня ситуация открытости миру радикально иная. Вообще обществоведы сравнительно с естествоиспытателями (у них нет средств на современное научное оборудование) определенно выиграли, что вполне очевидно по публикациям переводов классиков мировой социологии и современных теоретиков, новым поколениям учебных пособий и т.д.

В сообществе «социологов–шестидесятников», за исключением единиц, я не вижу тех, кто оказался бы невосприимчивым к освоению мировых течений в социологии. Вероятно, это связано с лидирующим свойством данной категории исследователей – любопытством к «иному».

Ю.М.: Вас причисляют к либеральному крылу социологического сообщества, представители которого активно поддержали идеологию «перестройки» и демократизации в российском обществе. Удалось ли Вам преодолеть принципиальные разногласия с официальными авторитетами отечественной социологии, которые придерживаются консервативных взглядов?

В.А.: Я не стремился к преодолению разногласий, например, с М. Руткевичем. Но многих из «неединомышленников» глубоко уважаю. Самое скверное, когда человек изменяет свои взгляды по принципу «кассетного мышления» (термин В. Шляпнтоха): одну кассету изъясил, другую вставил. «Перевертыши» – морально ущербные люди. Поэтому мне было интересно спорить с М. Руткевичем в печати, так как я считаю его серьезным оппонентом.

Ю.М.: В какой степени Ваши демократические убеждения и политическая позиция повлияли на ситуацию в российском социологическом сообществе и его дифференциацию на разные «партии», ассоциации и прочие объединения? Возможно ли сегодня консолидировать российское социологическое сообщество, ко-

торое раздроблено на несколько ассоциаций, крупнейшей из которых является, безусловно, РОС?

В.А.: Будучи президентом РОС, я инициировал координацию действий Общества социологов и демографов, Общества им. Ковалевского. Мы совместно готовили первый общероссийский съезд социологов в Питере. Сегодня ситуация размежевания социологических сообществ представляется своего рода нормой: разные научные и гражданские позиции. Почему бы и нет?

Ю.М.: Изменилась ли Ваша гражданская и политическая позиция на протяжении последних лет?

В.А.: Конечно, да. При Горбачёве я активно участвовал в разработке новой программы КПСС, в которой даже предусматривались фракции в партии. Программу отверг Пленум ЦК. При Ельцине мы с В.С. Степиным входили в некий консультационный совет, возглавляемый Бурбулисом, но покинули его, учув демонстративную риторику и ничего больше. Позже я участвовал в научном совете партии «Яблоко», но также отошёл от этой деятельности. Я понял, что ни одна из политически ориентированных групп не способна сформировать приемлемую для меня социально-экономическую программу действий. Поэтому вообще отошёл от всякой политики и постоянно говорил и говорю о политической нейтральности социологов на наших собраниях Учёного совета Института социологии.

Ю.М.: Как Вы представляете себе будущее российской социологии? Куда идет академическая социальная наука? Может ли она служить инструментом движения России в сторону гражданского общества?

В.А.: Будущее российской социологии – интеграция в общемировую социологию. В этом смысле мы призваны всеми силами содействовать становлению гражданского общества, т.е адресовать результаты исследований публично, а не только предлагать аналитические записки властным структурам, что также делать разумно.

Ю.М.: Ваше отношение к научной иерархии. Каковы, на Ваш взгляд, формальные и неформальные критерии успеха ученого в академическом сообществе? Сожалеете ли Вы о том, что Вас не избрали членом РАН на последних выборах?

В.А.: Ранжирование исследователей по официальному статусу – это одно. Признание в научном сообществе – нечто другое. Я вполне удовлетворен признанием в своем сообществе.

Ю.М.: Что Вы думаете о грядущих изменениях в Российской академии наук? Каким, на Ваш взгляд, должен быть статус научных коллективов и академических учреждений – государственный или общественный?

В.А.: Российская академия наук – наше социокультурное национальное достояние. Её преобразование (упаси – ликвидация) – это отказ от отечественной истории и традиции. Академия, я думаю, должна оставаться государственным институтом. Именно так государство может символизировать социальную значимость фундаментальной науки.

Ю.М.: Теперь о Вашем участии в организации социологического образования в стране. Что Вам лично удалось и не удалось сделать для создания центров социологии в российских вузах и в Институте социологии РАН?

В.А.: Как декан факультета социологии академического университета – ГУГН – я вместе с коллегами ориентируюсь на индивидуализацию обучения студентов, которые уже с первого курса включаются в исследовательские проекты разных подразделений Института социологии, так что мы «штучно» готовим кадры для научной работы и преподавания. Около 40 % выпускников поступают в нашу аспирантуру, а около 5–8 % остаются в институте в качестве наших научных сотрудников.

Я долгое время занимал позицию председателя экспертного совета по социологии в фонде Сороса «Открытое общество» и в НФПК – российской структуре, определяющей финансирование учебных пособий по социально-гуманитарному циклу из займа Мирового банка российскому правительству. Думаю, что нам удалось инициировать создание учебных программ, пособий и хрестоматий, соответствующих международному уровню.

Важное достижение – создание независимого от Министерства образования и науки Комитета по сертификации учебных пособий, которым автоматически присваивается гриф Министерства – «учебное пособие». Не более 25 % выполненных работ удостоились такой квалификации.

Что не удалось? И, думаю, не удастся сделать в ближайшее время. Высшая школа переходит в систему Болонского соглашения, что в частности требует дифференциации программ обучения малочисленными составами студентов, до 50% выбора курсов по желанию и интересам. Наш факультет в системе Министерства науки и образования на 90 % субсидируется из бюджета, так что обилие селективных курсов практически невозможно, для этого требуется обильный фонд зарплаты преподавателей. Поэтому мы ориентируемся на: (а) индивидуальную работу студента с научным руководителем, начиная с первого курса и (б) непосредственную связь студентов с преподавателем по электронной почте, для чего созданы необходимые технические условия.

Ю.М.: Какие научные и организационные проекты Вы намерены продолжить или предпринять в ближайшее время?

В.А.: Организационных идей в рамках Института социологии нет, в качестве же декана факультета – множество. В научном плане мы, работая в Центре исследования социальных трансформаций, меняем акцент с анализа социетальных процессов на изучение проблем личностного освоения реформ. Это предполагает интеграцию социологического и социально-психологического подходов, активное использование так называемых качественных методов сбора данных при должном внимании к массовым опросам.